

А. Завадский-Краснопольский

**Влияние греко-византийской
культуры на развитие
цивилизации в Европе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А. Завадский-Краснопольский**
Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе / А.
Завадский-Краснопольский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 131 с.

ISBN 978-5-4241-5759-2

ISBN 978-5-4241-5759-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЛІЯНІВ ГРЕКО-ВИЗАНТІЙСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

НА РАЗВИТІЕ ЦИВИЛІЗАЦІИ ВЪ ЕВРОПѢ.

I.

Отличіе греческаго материка отъ культурныхъ материковъ Востока и вліяніе этого материка на интеллектуальное развитіе человѣка.

Африка, еще во дни Плинія, извѣстна была подъ именемъ «страны чудесь»¹⁾. Природа этой страны, отличающаяся своею недоступностью, громадными песчаными степями и своими жаркими днями, за которыми слѣдуютъ столь холодныя ночи, что иногда замерзаютъ дѣлне отряды войскъ²⁾; эта природа,—при видимомъ однообразіи въ характерѣ своего строенія и тождественности климата³⁾,—различно вліяла на судьбы своихъ обитателей и заставляла негра, не владѣющаго широкой и богатой фантазіей, создавать себѣ боговъ въ каждомъ деревѣ, которое, подобно финиковой *пальмѣ*, доставляло ему пищу и одежду, или же которое, подобно лѣсообразному кусту *баобаба*, служило вмѣстѣ съ тѣмъ и жилищемъ.—Негръ видитъ верховное существо въ первомъ попавшемся ему животномъ, которое, по его мнѣнію, могло бы говорить съ нимъ, но не хочетъ, какъ это дѣлаютъ обезьяны, боясь чтобы ихъ не заставили работать⁴⁾. Эта же природа побуждала негра, чувствовавшаго отвра-

1) Arist. Hist. Anim. VIII, 28.—»Semper novi aliquid Africam, afferre«.

2) Риттеръ: Европа, стр. 6.

3) Даниель, стр. 77.—Malte-Brun: Afrique, p. 4 (nouvelle édition).—»Plus des trois quarts de ce continent, étant situé entre les deux tropiques, la grande masse d'air chaud qui se développe au dessus de ces terres ardentes envahit facilement les lisières septentrionales et australes situées nominativement dans la zone tempérée«.

4) Фогтъ: Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ, стр. 230.

щепе въ змѣяхъ ¹⁾, частію ядовитымъ, частію казавшимся ему таинственными, по своимъ привычкамъ жизни,—побуждала создавать имъ храмы и падать въ паническомъ страхѣ предъ ними, какъ это мы видимъ изъ разсказа Форбеса, который, посѣтивши Гвинею, въ своемъ сочиненіи «Дагомэй и Дагомэйцы» говоритъ, что: «и теперь храмы змѣй представляютъ самую любопытную достопримѣательность въ Ундахѣ. Храмы эти заключаются въ кругломъ зданіи, выстроенномъ вокругъ огромнаго хлопчато-бумажнаго дерева ²⁾; въ этихъ зданіяхъ во всякое время находится множество змѣй, принадлежащихъ къ породѣ *boa*. Съ утра до вечера храмъ окруженъ людьми, склонившимися къ землѣ и погруженными въ безмолвное поклоненіе ³⁾». Между тѣмъ, въ

---

1) Не мудрено, что не только негры, но и нѣроды болѣе совершенныя, какъ египтяне, арабы и даже евреи, смотрѣли на змѣй съ безотчетнымъ удивленіемъ, ужасомъ и даже боготвореніемъ. Въ жаркомъ поясѣ, по словамъ Ушакова (Финск. Вѣстн. 1846. Т. VIII, стр. 64—69), змѣи размножаются въ невѣроятномъ количествѣ; тамъ—онѣ достигаютъ колоссальной, ужасающей величины; ядовитыя змѣи въ тропическихъ странахъ вырабатываютъ тотъ губительный ядъ, одна капля котораго, ввученная въ жилы, умерщвляетъ въ одно мгновеніе большихъ животныхъ. Въ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ, прикрытыхъ роскошною растительностью, приостанавливающей быстрое испареніе и защищающей отъ жгучихъ лучей палящаго солнца,—въ теплой влажной атмосферѣ топкихъ береговъ,—плодится неисчислимое множество разныхъ породъ пресмыкающихся... Въ поляхъ, покрытыхъ кустарникомъ и недоступныхъ для другихъ животныхъ, подъ вліяніемъ душливо жаркой атмосферы, нѣкоторые виды достигаютъ тѣхъ гигантскихъ размѣровъ, той несокрушимой силы и той удивительной ловкости, которые дѣлаютъ ихъ ужасными для самыхъ огромныхъ четвероногихъ. Взглядъ змѣй издавна славится магическимъ могуществомъ—*обаяніемъ*. Мы постоянно замѣчаемъ, что всѣ позвоночныя животныя при одномъ видѣ змѣй впадаютъ въ паническій ужасъ... Говорятъ, что видѣли быстрыхъ и легкихъ на бѣгу бѣловъ, при взглядѣ на змѣю испускающихъ нѣсколько отчаянныхъ звуковъ, теряющихъ равновѣсіе и падающихъ съ самой вершины дерева—съ сучка на сучокъ до самаго корня, гдѣ неподвижное пресмыкающееся ожидаетъ своей добычи съ разверзстою пастью.

2) Здѣсь говорится не о томъ хлопчато-бумажномъ деревѣ, которое употребляется въ торговлѣ, но объ исполнскомъ деревѣ *caiba* (*Eriodendron anfractiosum*).

3) Заграничн. Вѣстн. 1865 г. № 1-й, стр. 142. — Змѣи изъ породы *boa* не имѣютъ ядовитыхъ зубовъ и укусеніе ихъ безвредно; но немощная сила, страшная величина и прожорли-

сѣверо-восточномъ углу Африки, гдѣ постоянныя и правильныя разливія Нила дали возможность прибрежнымъ его обитателямъ всегда рассчитывать на богатую жатву и на выгодный ея сбытъ; гдѣ человекъ, естественно долженъ былъ перейти отъ дикаго, ночеваго, пастушескаго и звѣроловнаго быта къ хлѣбопашеству, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ осѣдлости, которая должна была явиться здѣсь раньше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ пунктѣ земнаго шара;—здѣсь величавое явленіе природы—разлитіе Нила, приносящее съ собою не ужасы пустынныхъ бурь, не паническій страхъ, наводимый змѣями и разными хищными тварями, а благотворное орошеніе почвы, которая до періода разливія остается пыльной пустыней,—потрясло слабое воображеніе африканца, который, не забывая своихъ фетишей, падаеть въ благоговѣйномъ уваженіи не только предъ Нильскими водами, но и предъ всѣми существами, населяющими ихъ, или же напоминающими о нихъ. Это по своему существу благотворное явленіе природы, охватившее собою ограниченныя кругозоръ *примильскаго обитателя*, дало возможность людямъ болѣе смѣлѣвшимъ и проникательнымъ выдвинуться изъ раболопнаго поклоненія природѣ и явиться истолкователями воли боговъ, что способствовало имъ подчинить своему безусловному влиянію принильскаго первобытнаго человека и тѣмъ завоевать не только умъ, но даже и механическій трудъ его въ узкую рамку жреческихъ постановленій. Только при томъ безотчетномъ повиновеніи къ истолкователямъ воли боговъ, которое могло развиться въ первобытномъ населеніи примильской долины, могли появиться тѣ исполнскія сооруженія, предъ которыми и

вость дѣлають ихъ опаснѣе тигровъ и львовъ. Къ необыкновенной силѣ эти громадныя змѣи присоединяють еще свойство необыкновенной живучести: изорванныя, изрѣзанныя, даже съ потерей значительной части своего тѣла и съ поврежденными внутренностями—эти животныя не лишаются своей бодрости и съ прежней силой нападаютъ и тѣснятъ своего непріятеля въ ужасныхъ кольцахъ своего тѣла. Неумерщленный удавъ легко переносить нѣсколько мѣсяцевъ голодь. Не мудрено, что это ужасное могущество, эта страшная сила, исполнская длина тѣла, блескъ чешуи и красота кожи внушили многимъ народамъ, еще не вышедшимъ изъ дикаго состоянія, нѣкоторый родъ удивленія и боязни, какъ къ существамъ необыкновеннымъ. Древніе обитатели Мексики смотрѣли на эту змѣю съ религиознымъ трепетомъ; она сдѣлалась предметомъ ихъ поклоненія—они называли ее *царемъ* и приносили въ жертву людей; на берегахъ Мозамбика эта змѣя имѣла свои алтари и вровавыя жертвы. (Ушаковъ, см. выше).

теперь еще путешественники не могут найти достаточно словъ, чтобы передать впечатлѣніе, производимое этими громадными массами—obeliskами, колоссами, катакомбами. Бельзони говоритъ, что: «даже, изъ разсказовъ самаго искуснаго и точнаго наблюдателя можно составить себѣ очень не полное понятіе объ обширныхъ и громадныхъ развалинахъ Египъ. Когда я очутился среди этихъ развалинъ, говорить онъ, то мнѣ повздалось, что я въ странѣ гигантовъ, которые всѣ погибли, оставивъ послѣ себя развалины своихъ храмовъ исполненными свидѣтелями своего существованія»¹⁾. Религія Египта есть не что иное какъ религія природы и, при томъ, въ высшей степени отражающая мѣстныхъ условій и характеръ своего народа, олицетворявшаго силы и дѣйствія природы и поклонявшагося животнымъ какъ полезнымъ такъ и вреднымъ, въ надеждѣ умилостивить ихъ своею покорностію²⁾. Съ самаго начала египетской цивилизаціи мы видимъ двойственность въ воззрѣніи припильскихъ обитателей: вѣста жрецовъ слиятся возвыситься надъ природой и вступаетъ съ нею въ борьбу; но эта борьба оканчивается не въ пользу неразвитаго народонаселенія и сообщаетъ мрачный меланхолическій колоритъ всей исторіи египтянъ, проявившійся въ учрежденіяхъ и мифологіи этого народа, которая, по остроумному замѣчанію Менцеля, «пахнетъ мертвечиной и вѣтромъ пустынь»³⁾. Египтяне, какъ говоритъ Буэнзень, толкнули склонную въ фетишизмъ Африку въ кругъ стремленій мифологическихъ, свойственныхъ Азіи⁴⁾. Припильская природа, побуждавшая челоуѣка къ болѣе напряженной умственной дѣятельности, преобразовала и самый типъ африканца. Это вполне возможно по теоріи Дарвина, который говоритъ (Пронскож. вида, стр. 137): «Образъ жизни, обуславливая различія въ складѣ, употребленіе органовъ укрѣпляя и неупотребленіе ослабляя ихъ, повидимому производять дѣйствіе болѣе сильное, чѣмъ климатъ и пища». По мнѣнію Прюверъ Беа, первая въ мірѣ, египетская цивилизація была дѣломъ

1) Belzoni: Narrative of the operations and discoveries in Egypt and Nubia, p. 37. (Путешествіе Бельзони относится, по періоду времени, между 1815 и 1819 годами).

2) Рославскій: Обзоръвіе древняго міра, стр. 68—69.—Веберъ, т. I, стр. 24—25.

3) Hegel: Vorlesungen ueber die Philosophie der Geschichte, S. 207.

4) Busen: Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte (см. Пютцъ, стр. 134),

типа тонкаго (type fin), но этотъ типъ не принадлежалъ ни арійской ни семитической расѣ. Черепа типа тонкаго имѣютъ мало сходства съ черепами племенъ азіатскихъ. Длинный рядъ выисваній, совершенныхъ имъ, по этому поводу, привелъ его къ тому заключенію, что раса типа тонкаго не произошла отъ смѣшенія съ другими расами, но родилась въ долинѣ Нила ¹⁾.

Природа, сосѣдняя съ припильской долиной, Аравійскаго полуострова, который можетъ быть названъ посредствующимъ звѣномъ между Азіей и Африкой ²⁾, и почва котораго по срединѣ подымается возвышеннымъ плоскогорьемъ, представляющимъ большую частію совершенную пустыню съ оазисами, вокругъ которой тянутся окраинныя горы, то ниспадающія террасами въ самому морю, то остающія между нимъ и собою береговую полосу, — въ этой странѣ, гдѣ нѣтъ ни одной постоянно текущей рѣки ³⁾, а однѣ только горныя ложбины, наполняющіяся водой во время дождей, которые здѣсь очень рѣдки, — въ этой пустынной и безводной мѣстности, природа которой, во многихъ отношеніяхъ какъ въ животномъ такъ и растительномъ мірѣ, напоминаетъ собою природу Африки ⁴⁾, и которая, побуждая въ кочевой жизни дѣтей бедуи (пустыни) бедуиновъ, вселяя имъ любовь къ сотрудиникамъ и помощникамъ своего кочевья, ловкимъ и быстрымъ какъ вѣтеръ конямъ, переносящимъ ихъ съ одного конца пустыни на другой, отъ одного пастбища, пригоднаго для питанія ихъ стадъ, въ другому, — эта же страна, вмѣстѣ съ тѣмъ, оселяла на мѣстѣ жителя оазисовъ ⁵⁾ и способствовала развитію у арабовъ своеобразнаго воззрѣнія на природу. Умѣренный вліяніемъ моря, жаркій, но здоровый климатъ прибрежьевъ этого полуострова ⁶⁾, почти постоянно чистое и ясное небо не представляли въ себѣ ничего такого, что могло бы навести на обитателей этой мѣстности паническій страхъ тропической Африки, или же безотчетно невольное поклоненіе, вызываемое величавымъ раз-

¹⁾ Брокъ: О современномъ движеніи въ антропологін, стр. 190. Загран. Вѣстн. 1864 г. № 1.

²⁾ Риттеръ: Европа, стр. 221. — Malte-Brun: Arabie, p. 1.

³⁾ Malte-Brun: Arabie, p. 2. — On n'y trouve pas un cours d'eau qui mérite le titre de fleuve....

⁴⁾ Даниель, стр. 71.

⁵⁾ Pauthier: Les livres sacrés de l'Orient, p. 473.

⁶⁾ Malte-Brun: Arabie, p. 2.

литіемъ Нила; между тѣмъ какъ ясное небо счастливой Аравіи, при-
влекавшее, утомленній однообразіемъ поверхности, взоръ араба, побуж-
дало его къ наблюденіямъ надъ звѣзднымъ міромъ, а различныя мѣст-
ныя времена года, являвшіяся вслѣдъ за восходомъ или заходомъ нѣ-
которыхъ звѣздъ, а также усиленное сверканіе ихъ предъ появленіемъ
дождя ¹⁾, привели его къ убѣжденію въ сверхъ-естественной ихъ силѣ,
вызвавшему поклоненіе звѣздному міру, въ которомъ онъ видѣлъ про-
явленіе божественной силы, ниспославшей имъ освѣжающіе дожди ²⁾,
съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемые и такъ необходимыя въ расклен-
ной отъ зноя странѣ. Но дальнѣйшія наблюденія надъ инерціально-
движущимся надъ - арабскимъ небомъ привели поэтически - сформиро-
вавшуюся натуру араба къ тому выводу, что это движеніе и сверкан-
ніе звѣздъ, представлявшихъ ему въ видѣ ангеловъ или добрыхъ ге-
ньевъ — не самопроизвольно; вслѣдствіе чего онъ сталъ смотрѣть на
нихъ не какъ на распорядительную мировую силу, а какъ на испол-
няющую только повелѣнія, данныя имъ свыше. Такимъ образомъ, мѣст-
ность Аравіи, прежде всякой другой, сама собою указала человѣку на
существованіе Верховнаго Божества, управляющаго міромъ: арабъ не
только былъ убѣжденъ въ существованіи единаго Верховнаго Божества и
его ангеловъ, но онъ измысливалъ даже, какъ говорить Пютье, многія мо-
гущественныя доказательства его единства ³⁾. — Такъ мы видимъ, какъ
подъ вліяніемъ природы видоизмѣняется, прирожденное чедовѣку, ре-
лигіозное чувство, или, лучше сказать, вѣрованіе въ высшее, управляю-
щее вселенной, Существо.

Оходство арабскаго языка съ еврейскимъ ⁴⁾ приводитъ насъ въ

¹⁾ Гумбольтъ говоритъ, что подъ тропиками, по сверканію звѣздъ,
за нѣсколько дней узнавали о приближеніи дождя. Біо также утвер-
ждаетъ, что сверканіе звѣздъ за нѣсколько дней до дождя такъ пора-
зительно, что служитъ сигналомъ для матросовъ.

²⁾ Pauthier: Les livres sacrés de l'Orient, p. 470.—Ils furent portés à
attribuer un pouvoir divin à ces astres, et à croire qu'ils leurs étaient rédé-
vables des pluies.

³⁾ Pauthier: Les livres sacrés de l'Orient, p. 469.—Que les Sabéens
aient reconnu un Dieu Suprême, cela parait evident par la formule, dont
ils se servaient pour s'adresser à lui; elle était conçue en ces termes: «Je
me consacre à ton service, ô Dieu! Tu n'as compagnon, excepté ton com-
pagnon, dont tu absolument le maître et de tout ce qui est à lui».

⁴⁾ Malte-Brun: Arabie, p. 14.—La langue arabe ancienne semble se
rapprocher de l'hebreu.

убѣжденію въ родственности этихъ народовъ, и если интеллектуальное развитіе еврейскаго народа подвинулось гораздо дальше арабскаго, то этому единственною причиною были тѣ несчастія и тѣ историческія обстоятельства, которыя, по волѣ Божественнаго Промысла, выпали на долю этого народа съ самой его колыбели. Не вида ничего оправданнаго въ тогдашнемъ своемъ положеніи, кромѣ постоянныхъ преслѣдованій и порабощеній другими народами, крѣде лишавшими его имущества и крови, онъ пересталъ надѣяться на лучшее въ ближайшемъ будущемъ, а ожидалъ чего-то чрезъ неопредѣленно-далекий срокъ. По волѣ Провидѣнія, зажегъ Моисеи въ умъ на грядущаго мессію (освободителя еврейскаго міра), котораго евреи ждуть и до сихъ норъ, подобно тому, какъ мусульмане своего мегдіа ¹⁾. Въ этомъ народѣ спиритуализмъ вполне превалировалъ надъ матеріализмомъ; онъ весь погружался въ абстрактное созерцаніе будущаго, ища въ немъ своей защиты и успокоенія, которое должно было явиться вмѣстѣ съ непонятнымъ имъ мессіемъ, являющимъ воскресить народъ іудейскій.

Если дружелюбная малоазійская почва способствовала къ развитію поклоненія Верховному Существому, то грозная природа Индіа, замкнутая отъ вліянія сѣверной цивилизаціи непреходимой, поларной пустыней Гималаевъ ²⁾, съ ея громадными горами, съ ея молчаливыми рѣками, съ ея непроходимыми лѣсами и безпредѣльными пустынями, съ ея опасностями, неразлучными съ тропическимъ климатомъ, — снова приводитъ въ ужасъ человѣка и сжимаетъ кругозоръ его вообрѣженій, заставляя его, по словамъ Боля, въ таинственныхъ силахъ, управляющихъ имъ, предполагать страшныя, враждебныя для него существа. Такое состояніе *арійцевъ* необходимо должно было выдвинуть изъ общей массы — людей болѣе практичныхъ, которые являются истолкователями, ужасающихъ первобытнаго человѣка, явленій природы, и, такимъ образомъ, образовывается каста браминовъ — истолкователей воли Брами (создателя) — съ цѣлою фалангой боговъ — страшныхъ чудовищъ, созданныхъ напуганной фантазіей индуса, — боговъ, по преимуществу, провожадныхъ, съ самыми мрачными преданіями объ ихъ дѣйствіяхъ и страшными атрибутами въ самомъ изображеніи. Подобно тому какъ и египетскіе жрецы, — брамины, какъ говоритъ Пави, дѣлаются душой и

¹⁾ Мурча Александръ Каземъ-Бекъ: Исторія ислама, стр. 268. Русское Слово. 1860 г. Май.

²⁾ Риттеръ: Европа, стр. 144.

умомъ аріискаго народа;—имъ, по преимуществу, приписывался зпнть widwas—*сиджшій*¹⁾. Достигши полнаго матеріальнаго и нравственнаго преобладанія надъ народомъ, что ясно видно изъ словъ Ману, онъ говоритъ: что «все, что есть въ міръ, принадлежитъ брамину; по праву первоуродства и по своему рожденію, онъ владѣтель всею существующаю»²⁾, и заковавши индійское населеніе въ тѣсную рамку кастъ, изъ которыхъ послѣдняя (Goudra), по словамъ Ману, «имѣла только одну обязанность—служить высшимъ кастамъ безъ зависти», брамины погрузились въ самосозерцаніе для того, «чтобы, по словамъ Бергло, достичь верховнаго понятія о вещахъ и, слѣдовательно, владычества надъ природою»³⁾. Но эта мечта осталась однимъ только желаніемъ. Индійская природа поработила своего обитателя; индусъ не рискуеть сблизиться съ своими богами; напротивъ, онъ отдаляетъ ихъ отъ себя непроходимомъ пропастью; вслѣдствіе чего, мысль его всецѣло подчинена материнской власти природы; отсюда же, какъ говоритъ Іохмусъ, развила въ немъ нѣжная любовь къ прочимъ тварямъ, на которыхъ онъ смотритъ какъ на младшихъ своихъ братьевъ⁴⁾. И теперь еще большая часть браминовъ, какъ говоритъ Пани, проводитъ жизнь подлѣ своихъ пагодъ и, забываясь въ *dolce far niente*, мечтаетъ о своемъ великомъ назначеніи: обнять силою своего самосозерцанія непостижимыя для нецивилизованнаго ума явленія природы⁵⁾.

Почва Ирана, состоящая изъ песчаной, или же покрытой соляной корой, пустыни, за исключеніемъ уступовъ окраинныхъ горъ, надѣленныхъ богатою растительностью, умирающей во время зимы, тяжелой для первобытнаго человѣка, не могла способствовать дальнѣйшему развитію арабско-еврейскаго культа и, подобно Индіи, подчинила его мѣстной природѣ. Полузамерзшій иранецъ, неимѣя возможности предотвратить появленіе зимняго холода, сталъ съ нетерпѣніемъ выжидать весенняго солнца, теплые лучи котораго прогнали бы зиму съ ея морозами и холодными вѣтрами и превратили бы зимній снѣгъ въ благодѣтельныя весеннія воды. Такимъ образомъ зародилось *покломеніе солнцу* и вообще огню,

1) Живоп. Русск. Библ. 1857. II, стр. 306.

2) Живоп. Русск. Библ. II, стр. 307.

3) Бергло: Наука положительная и наука идеальная; Загран. Вѣст. 1864. г. I—7.

4) Jochmus: Geschichte des Völkerrechts im Alterthum von Müller, S. 79.

5) Сравн. Живоп. Русск. Библ. 1857. II, стр. 310.

который, своимъ поднимающимся вверхъ пламенемъ, символически обозначалъ стремленіе человѣческой души къ вѣчному источнику свѣта— Ормузду (Екого Medoz). Въствѣ съ этимъ развилось также вѣрованіе въ служителей Аримана, — злыхъ духовъ, являющихся въ образѣ холода и вѣтровъ пустыни. Слѣдствіемъ этого культа было стремленіе иранцевъ къ торжеству добра надъ зломъ. Этотъ культъ сохранился и до сихъ поръ въ Керманѣ и другихъ частяхъ Азіи, а также и на западномъ берегу Каспійскаго моря, около города Баку, гдѣ находится моельня и вѣчные огни гвевровъ (парсовъ). Всѣ путешественники, начиная отъ Шардена до Морьера и Фрезера, представляютъ въ прекрасномъ свѣтѣ картину притѣсненной, но честной и дѣятельной жизни этихъ потомковъ древнихъ иранцевъ. «Первое дѣло, говорятъ они— водѣлывать землю, второе— жить съ женой и имѣть отъ нея дѣтей». Они поклоняются Ормузду, боготворятъ солнце, къ которому обращаются при чтеніи молитвъ, и четыре стихіи, а преимущественно—огонь, въ которомъ видятъ проявленіе Высшаго Существа. Ихъ *атеш-кеде* назначены для храненія священнаго огня, передъ которыми жрецы совершаютъ обряды своей религіи и освящаютъ разные алиманы для прогнанія злыхъ духовъ. Почва въ окрестностяхъ Баку заключаетъ во многихъ мѣстахъ неизчерпаемаго хранилища нефти, которая и поддерживаетъ огонь, въ простонародномъ смыслѣ *«огненный»* ¹⁾. Этотъ культъ солнца и огня занесенъ славяно-германскимъ міромъ въ среднюю и сѣверную Европу, гдѣ онъ былъ господствующимъ до появленія христіанства; а потомъ, смѣшавшись съ обрядами послѣдняго, существуетъ даже и до сихъ поръ въ простомъ народѣ въ образѣ повѣрій, предрасудковъ и суевѣрій. Языческій Римъ, собирая въ свой пантеонъ всѣхъ боговъ подчиненныхъ ему народовъ, пригласилъ туда въ III-мъ вѣкѣ по Р. Хр. Митру, воображаемаго сына Ормузда, который, во времена Гелиотабала, былъ удостоенъ одного изъ самыхъ почетныхъ богослуженій *«вѣчнаго города»*. — Такимъ образомъ мы видимъ, что интеллектуальное развитіе первобытныхъ народовъ не выходитъ обыкновенно изъ предѣловъ обоготворенія, постоянно возвращающихся, явленій природы, которыя приковываются въ определенному мѣсту, определенному дѣятелю; такимъ образомъ, по словамъ Дельбрюка, является мифъ, который окончательно переноситъ

¹⁾ Живоп. Русск. Библ. 1857. т. II, стр. 14.

сится въ область человѣческихъ дѣйствій и, подобно историческимъ событіямъ, подвергается процессу передѣлки, приврасы и порчи ¹⁾).

Между всѣми странами Европы, ближе всѣхъ къ Востоку находится Греція, и потому восточная природа отражается въ ней болѣе, нежели въ какой-либо другой странѣ Европы ²⁾). Подобно тому, какъ Аравія можетъ быть названа посредствующимъ звѣномъ между Африкой и Азіей, такъ и греческій полуостровъ съ самыхъ древнихъ временъ постоянно играть роль посредника между Малою Азіей и Европой ³⁾. Современный прусскій историкъ Грецію говоритъ, что природа къ югу отъ Понта не сдѣлала никакого раздѣла между Востокомъ и Западомъ; напротивъ, постоянно стремилась къ тому, чтобы тѣсно и нераздѣльно сплотить ихъ другъ съ другомъ ⁴⁾. Прибрежныя земли обонхъ береговъ Архипелага составляютъ какъ-бы двѣ половины одного государства ⁵⁾; вслѣдствіе чего народы, занимавшіе оба эти берега, еще со дней Пріама, и здѣсь и тамъ говорили гѣмъ же языкомъ и руководствовались тѣми же обычаями. Грекъ - островитянинъ былъ такимъ же туземцемъ въ Смирнѣ, какъ и въ Навплии ⁶⁾. Материкъ Грецію представляетъ нѣкоторымъ образомъ сходство съ сосѣдней частью Азіи—Анатоліей; но онъ имѣетъ предъ послѣдней то преимущество, что соединяется съ материкомъ болѣе выгоднымъ образомъ, чѣмъ Анатолія, примыкающая къ Азіи посредствомъ бесплодной цѣпи Тавра. Греція, къ сѣверу отъ Балканскаго хребта, примыкаетъ къ плодороднымъ долинамъ Венгрии, Молдавіи и Валахіи ⁷⁾. Мѣстность южной части греческаго материка—Мореи—представляетъ намъ возвышенную равнину, изрѣзанную многочисленными цѣпами холмовъ. Здѣсь же встрѣчаются довольно значительныя бассейны, нѣсколько озеръ, а также и болотистыя мѣстности; но когда мы переступимъ чрезъ Фермопилы въ собственную Грецію, то мы, при гораздо слабѣйшемъ орошеніи, увидимъ почву, способную къ богатой растительности, и прекрасное свѣтлое

---

¹⁾ Дельбрюкъ: О происхожденіи мифа у индо-европейскихъ народовъ, стр. 205; Загран. Вѣстн. 1865 г. № 2.

²⁾ Риттеръ: Европа, стр. 226.

³⁾ Риттеръ: Европа, стр. 221—222.

⁴⁾ Kurtius: Griechische Geschichte, S. 5.

⁵⁾ Ibid. p. 3.

⁶⁾ Ibid. p. 3.

⁷⁾ Риттеръ: Европа, стр. 220—222.